

Корова — текст 1 из 2

Серая степная корова черкасской породы жила одна в сарае. Этот сарай, сделанный из выкрашенных снаружи досок, стоял на маленьком дворе путевого железнодорожного сторожа. В сарае, рядом с дровами, сеном, просяной соломой и отжившими свой век домашними вещами сундуком без крышки, прогоревшей самоварной трубой, одежной ветошью, стулом без ножек, было место для ночлега коровы и для ее жизни в долгие зимы.

Днем и вечером к ней в гости приходил мальчик Вася Рубцов, сын хозяина, и гладил ее по шерсти около головы. Сегодня он тоже пришел.

Корова, корова, говорил он, потому что у коровы не было своего имени, и он называл ее, как было написано в книге для чтения. Ты ведь корова!.. Ты не скучай, твой сын выздоровеет, его нынче отец назад приведет.

У коровы был теленок бычок; он вчерашний день подавился чем-то, и у него стала идти изо рта слюна и желчь. Отец побоялся, что теленок падет, и повел его сегодня на станцию показать ветеринару.

Корова смотрела вбок на мальчика и молчала, жуя давно иссохшую, замученную смертью былинку. Она всегда узнавала мальчика, он любил ее. Ему нравилось в корове все, что в ней было, добрые теплые глаза, обведенные темными кругами, словно корова была постоянно утомлена или задумчива, рога, лоб и ее большое худое тело, которое было таким потому, что свою силу корова не собирала для себя в жир и в мясо, а отдавала ее в молоко и в работу. Мальчик поглядел еще на нежное, покойное вымя с маленькими усохшими сосками, откуда он кормился молоком, и потрогал крепкий короткий подгрудок и выступы сильных костей спереди.

Посмотрев немного на мальчика, корова нагнула голову и взяла из корыта нежадным ртом несколько былинки. Ей было некогда долго глядеть в сторону или отдыхать, она должна жевать непрерывно, потому что молоко в ней рожалось тоже непрерывно, а пища была худой, однообразной, и корове нужно с нею долго трудиться, чтобы напиться.

Вася ушел из сарая. На дворе стояла осень. Вокруг дома путевого сторожа простирались ровные, пустые поля, отражавшие и отшумевшие за лето и теперь выкошенные, заглухшие и скучные.

Сейчас начинались вечерние сумерки; небо, покрытое серой прохладной наволочью, уже смежалось тьмою; ветер, что весь день шевелил остья скошенных хлебов и голые кусты, омертвевшие на зиму, теперь сам улегся в тихих, низких местах земли и лишь еле-еле поскрипывал флюгаркой на печной трубе, начиная песнь осени.

Однколе́йная линия железной дороги пролегла не́вдалеке от дома, возле палиса́дника, в котором в эту пору уже все посохло и поникло и трава и цветы. Вася остерегался заходить в огоро́жу палиса́дника: он ему казался теперь кладби́щем растений, которые он посадил и вывел на жизнь весной.

Ма́ть зажгла лампу в доме и выставила сигна́льный фонарь нару́жу, на скаме́йку.

Скоро четы́реста шесто́й по́йдет, сказа́ла она сыну, ты его проводи. Отца-то что-то не ви́дать... У́ж не загу́лял ли?

Отец ушел с тене́нком на ста́нцию, за се́мь киломе́тров, еще с утра; он, наве́рно, сдал вете́рину́ру тене́нка, а сам на ста́нционном собра́нии си́дит, ли́бо пиво́ в буфе́те пье́т, ли́бо на консу́льтацию по техми́ниму поше́л. А може́т бы́ть, оче́редь на ветпункте бо́льшая и отец ожида́ет. Вася взял фона́рь и се́л на дере́вянную пере́кладину у пере́езда. Пое́зда еще не было слы́шно, и ма́льчик оγόрчился; ему неко́гда было си́деть тут и провожа́ть поез́да: ему́ пора́ было́ гото́вить уро́ки к за́втрашнему дню́ и ло́житься спа́ть, а то у́тром на́до ра́но подни́маться. Он хо́дил в ко́лхозную се́миле́тку за пять киломе́тров от дома́ и учи́лся там в че́твертом клас́се.

Вася лю́бил хо́дить в шко́лу, пото́му что, слуша́я учи́тельницу́ и чита́я кни́ги, он вообра́жал в сво́ем уме́ весь ми́р, кото́рого он еще́ не зна́л, кото́рый бы́л вдали́ от него́. Ни́л, Еги́пет, Испа́ния и Да́льний Во́сток, вели́кие ре́ки Ми́ссисипи, Ени́сей, тихи́й До́н и Ама́зонка, Ара́льское мо́ре, Мос́ква, го́ра Ара́рат, о́стров Уеди́нения в Ле́довитом оке́ане все́ это волно́вало Васи́ и вле́кло к себе́. Ему́ каза́лось, что все́ страны́ и лю́ди да́вно ожида́ют, ко́гда он выра́стет и приде́т к ним. Но он еще́ ни́где не успе́л побу́ывать: ро́дился он здесь же, где жи́л и сейча́с, а бы́л то́лько в ко́лхозе, в кото́ром нахо́дилась шко́ла, и на ста́нции. Поэ́тому с тре́вогой и ра́достью́ он всма́трива́лся в лица́ лю́дей, гля́дящих из око́н пасса́жирских поез́дов, кто́ они та́кие и что́ они дума́ют, но поез́да шли́ бы́стро, и лю́ди прое́зжали́ в них не узнанны́ми ма́льчиком на пере́езде. Кро́ме того́, поез́дов бы́ло ма́ло, все́го две́ пары́ в су́тки, а из них три́ поез́да про́ходили́ но́чью.

О́днажды, благода́ря тихому́ хо́ду поез́да, Васи́ явствен́но разгля́дел ли́цо мо́лодого за́думчивого́ челове́ка. Он смотре́л чере́з откры́тое око́но в сте́пь, в не́знакомое́ для́ него́ ме́сто на го́ризонте́ и ку́рил тру́бку. Уви́дев ма́льчика, сто́явшего́ на пере́езде́ с подня́тым зе́лым фла́жком, он улы́бнулся́ ему́ и я́сно сказа́л: До́ свиданья́, челове́к! и еще́ по́махал на па́мять ру́кою. До́ свиданья́, отве́тил ему́ Васи́ про се́бя, выра́сту, уви́димся! Ты по́живи́ и обо́жди́ меня́, не умира́й! И за́тем до́лгое вре́мя ма́льчик вспо́мина́л это́го за́думчивого́ челове́ка, уеха́вшего́ в ва́гоне́ не́известно́ куда́; он, наве́рное́, бы́л пара́шюти́ст, арти́ст, или́ орде́ноносе́ц, или́ еще́ лу́чше, та́к дума́л про́ него́ Васи́. Но вско́ре

память о человеке, миновавшем однажды их дом, забылась в сердце мальчика, потому что ему надо было жить дальше и думать и чувствовать другое.

Далеко в пустой ночи осенних полей пропел паровоз. Вася вышел поближе к линии и высоко над головой поднял светлый сигнал свободного прохода. Он слушал еще некоторое время растущий гул бегущего поезда и затем обернулся к своему дому. На их дворе жалобно замычала корова. Она все время ждала своего сына теленка, а он не приходил. Где же это отец так долго шатается! с недовольством подумал Вася. Наша корова ведь уже плачет! Ночь, темно, а отца все нет.

Паровоз достиг переезда и, тяжело проворачивая колеса, дыша всею силой своего огня во тьму, миновал одинокого человека с фонарем в руке. Механик и не посмотрел на мальчика, далеко высунувшись из окна, он следил за машиной: пар пробил набивку в сальнике поршневого штока и при каждом ходе поршня вырывался наружу. Вася это тоже заметил. Скоро будет затяжной подъем, и машине с неплотностью в цилиндре тяжело будет вытягивать состав. Мальчик знал, отчего работает паровая машина, он прочитал про нее в учебнике по физике, а если бы там не было про нее написано, он все равно бы узнал о ней, что она такое. Его мучило, если он видел какой-либо предмет или вещество и не понимал, отчего они живут внутри себя и действуют. Поэтому он не обиделся на машиниста, когда тот проехал мимо и не поглядел на его фонарь; у машиниста была забота о машине, паровоз может стать ночью на долгом подъеме, и тогда ему трудно будет стронуть поезд вперед; при остановке вагоны отойдут немного назад, состав станет врастяжку, и его можно разорвать, если сильно взять с места, а слабо его вовсе не сдвинешь.

Мимо Васи пошли тяжелые четырехосные вагоны; их рессорные пружины были сжаты, и мальчик понимал, что в вагонах лежит тяжелый дорогой груз. Затем поехали открытые платформы: на них стояли автомобили, неизвестные машины, покрытые брезентом, был насыпан уголь, горой лежали кочаны капусты, после капусты были новые рельсы и опять начались закрытые вагоны, в которых везли живность. Вася светил фонарем на колеса и буксы вагонов не было ли там чего неладного, но там было все благополучно. Из одного вагона с живностью закричала чужая безвестная телушка, и тогда из сарая ей ответила протяжным, плачущим голосом корова, тоскующая о своем сыне.

Последние вагоны прошли мимо Васи совсем тихо. Слышно было, как паровоз в голове поезда бился в тяжелой работе, колеса его буксовали и состав не натягивался. Вася направился с фонарем к паровозу, потому что машине было трудно, и он хотел побыть около нее, словно этим он мог разделить ее участь. Паровоз работал с таким напряжением, что из трубы его вылетали кусочки

угля и слышалась гулкая дышащая внутренность котла. Колеса машины медленно проворачивались, и механик следил за ними из окна будки. Впереди паровоза шел по пути помощник машиниста. Он брал лопатой песок из балластного слоя и сыпал его на рельсы, чтобы машина не буксовала. Свет передних паровозных фонарей освещал черного, измазанного в мазуте, утомленного человека. Вася поставил свой фонарь на землю и вышел на балласт к работающему с лопатой помощнику машиниста.

Дай, я буду, сказал Вася. А ты ступай помогай паровозу. А то вот-вот он остановится.

А сумеешь? спросил помощник, глядя на мальчика большими светлыми глазами из своего глубокого темного лица. Ну попробуй! Только осторожней, оглядывайся на машину!

Лопата была велика и тяжела для Васи. Он отдал ее обратно помощнику. Я буду руками, так легче.

Вася нагнулся, нагреб песку в горсти и быстро насыпал его полосой на головку рельса.

Посыпай на оба рельса, указал ему помощник и побежал на паровоз.

Вася стал сыпать по очереди, то на один рельс, то на другой. Паровоз тяжело, медленно шел вслед за мальчиком, растирая песок стальными колесами.

Угольная гарь и влага из охлажденного пара падали сверху на Васю, но ему было интересно работать, он чувствовал себя важнее паровоза, потому что сам паровоз шел за ним и лишь благодаря ему не буксовал и не останавливался.

Если Вася забывался в усердии работы и паровоз к нему приближался почти вплотную, то машинист давал короткий гудок и кричал с машины: Эй, оглядывайся!.. Сыпь погуще, поровней!

Вася берегся машины и молча работал. Но потом он рассерчал, что на него кричат и приказывают; он сбежал с пути и сам закричал машинисту:

А вы чего без песка поехали? Иль не знаете!..

Он у нас весь вышел, ответил машинист. У нас посуда для него мала.

Добавочную поставьте, указал Вася, шагая рядом с паровозом. Из старого железа можно согнуть и сделать. Вы кровельщику закажите.

Машинист поглядел на этого мальчика, но во тьме не увидел его хорошо. Вася был одет исправно и обут в башмаки, лицо имел небольшое и глаз не сводил с машины. У машиниста у самого дома такой же мальчишка рос.

И пар у вас идет, где не нужно; из цилиндра, из котла дует сбоку, говорил Вася. Только зря сила в дырки пропадает.

Ишь ты! сказал машинист. А ты садись веди состав, а я рядом пойду.

Давай! обрадованно согласился Вася.

Паровоз враз, во всю полную скорость, завертел колесами на месте, точно узник, бросившийся бежать на свободу, даже рельсы под ним далеко

загремели по линии.

Вася выскочил опять вперед паровоза и начал бросать песок на рельсы, под передние бегунки машины. Не было бы своего сына, я бы усыновил этого, бормотал машинист, укрощая буксованье паровоза. Он с малолетства уже полный человек, а у него еще все впереди... Что за черт: не держат ли еще тормоза где-нибудь в хвосте, а бригада дремлет, как на курорте. Ну, я ее на уклоне растрясу.

Машинист дал два длинных гудка чтобы отдали тормоза в составе, если где зажато.

Вася оглянулся и сошел с пути.

Ты что же? крикнул ему машинист.

Ничего, ответил Вася. Сейчас не круто будет, паровоз без меня поедет, сам, а потом под гору...

Все может быть, произнес сверху машинист. На, возьми-ка! И он бросил мальчику два больших яблока.

Вася поднял с земли угощение.

Обожди, не ешь! сказал ему машинист. Пойдешь назад, глянь под вагоны и послушай, пожалуйста: не зажаты ли где тормоза. А тогда выйди на бугорок, сделай мне сигнал своим фонарем знаешь как?

Я все сигналы знаю, ответил Вася и уцепился за трап паровоза, чтобы прокатиться. Потом он наклонился и поглядел куда-то под паровоз.

Зажато! крикнул он.

Где? спросил машинист.

У тебя зажато тележка под тендером! Там колеса крутятся тихо, а на другой тележке шибче!

Машинист выругал себя, помощника и всю жизнь целиком, а Вася соскочил с трапа и пошел домой.

Вдалеке светился на земле его фонарь. На всякий случай Вася послушал, как работают ходовые части вагонов, но нигде не услышал, чтобы терлись и скрежетали тормозные колодки.

Состав прошел, и мальчик обернулся к месту, где был его фонарь. Свет от него вдруг поднялся в воздух, фонарь взял в руки какой-то человек. Вася добежал туда и увидел своего отца.

А телок наш где? спросил мальчик у отца. Он умер?

Нет, он поправился, ответил отец. Я его на убой продал, мне цену хорошую дали. К чему нам бычок!

Он еще маленький, произнес Вася.

Маленький дороже, у него мясо нежней, объяснил отец. Вася переставил стекло в фонаре, белое заменил зеленым и несколько раз медленно поднял сигнал над головою и опустил вниз, обратив его свет в сторону ушедшего

поезда: пусть он едет дальше, колеса под вагонами идут свободно, они нигде не зажаты.

Стало тихо. Уныло и кротко промычала корова во дворе. Она не спала в ожидании своего сына.

Ступай один домой, сказал отец Васе, а я наш участок обойду.

А инструмент? напомнил Вася.

Я так; я погляжу только, где костыли повышли, а работать нынче не буду, тихо сказал отец. У меня душа по теленку болит: растили-растили его, уж привыкли к нему... Знал бы, что жалко его будет, не продал бы...

И отец пошел с фонарем по линии, поворачивая голову то направо, то налево, осматривая путь.

Корова опять протяжно заныла, когда Вася открыл калитку во двор и корова услышала человека.

Вася вошел в сарай и присмотрелся к корове, привыкая глазами ко тьме.

Корова теперь ничего не ела; она молча и редко дышала, и тяжкое, трудное горе томилось в ней, которое было безысходным и могло только увеличиваться, потому что свое горе она не умела в себе утешить ни словом, ни сознанием, ни другом, ни развлечением, как это может делать человек.

Вася долго гладил и ласкал корову, но она оставалась неподвижной и равнодушной: ей нужен был сейчас только один ее сын теленок, и ничего не могло заменить его ни человек, ни трава и ни солнце. Корова не понимала, что можно одно счастье забыть, найти другое и жить опять, не мучаясь более. Ее смутный ум не в силах был помочь ей обмануться: что однажды вошло в сердце или в чувство ее, то не могло быть там подавлено или забыто.

И корова уныло мычала, потому что она была полностью покорна жизни, природе и своей нужде в сыне, который еще не вырос, чтобы она могла оставить его, и ей сейчас было жарко и больно внутри, она глядела во тьму большими налитыми глазами и не могла ими заплакать, чтобы обессилить себя и свое горе.

Утром Вася ушел спозаранку в школу, а отец стал готовить к работе небольшой однолемешный плуг. Отец хотел запахать на корове немного земли в полосе отчуждения, чтобы по весне посеять там просо.

Возвратившись из школы, Вася увидел, что отец пашет на корове, но запахал мало. Корова покорно волочила плуг и, склонив голову, капала слюной на землю. На своей корове Вася с отцом работали и раньше; она умела пахать и была привычна и терпелива ходить в ярме.

К вечеру отец распряг корову и пустил ее поpastись на жнивье по старополью. Вася сидел в доме за столом, делал уроки и время от времени поглядывал в окно он видел свою корову. Она стояла на ближнем поле, не паслась и ничего не делала.

Вечер наступил такой же, какой был вчера, сумрачный и пустой, и флюгарка поскрипывала на крыше, точно напевая долгую песнь осени. Уставившись глазами в темнеющее поле, корова ждала своего сына; она уже теперь не мычала по нем и не звала его, она терпела и не понимала.

Поделав уроки, Вася взял ломоть хлеба, посыпал его солью и понес корове. Корова не стала есть хлеб и осталась равнодушной, как была. Вася постоял около нее, а потом обнял корову снизу за шею, чтоб она знала, что он понимает и любит ее. Но корова резко дернула шеей, отбросила от себя мальчика и, вскрикнув непохожим горловым голосом, побежала в поле. Убежав далеко, корова вдруг повернула обратно и, то прыгая, то припадая передними ногами и прижимаясь головой к земле, стала приближаться к Васе, ожидавшему ее на прежнем месте.

Корова пробежала мимо мальчика, мимо двора и скрылась в вечернем поле, и оттуда еще раз Вася услышал ее чужой горловой голос.

Мать, вернувшаяся из колхозного кооператива, отец и Вася до самой полночи ходили в разные стороны по окрестным полям и кликали свою корову, но корова им не отвечала, ее не было. После ужина мать заплакала, что пропала их кормилица и работница, а отец стал думать о том, что придется, видно, писать заявление в кассу взаимопомощи и в дорпрофсоюз, чтоб выдали ссуду на обзаведение новой коровой.

Утром Вася проснулся первым, еще был серый свет в окнах. Он расслышал, что около дома кто-то дышит и шевелится в тишине. Он посмотрел в окно и увидел корову; она стояла у ворот и ожидала, когда ее впустят домой...

С тех пор корова хотя и жила и работала, когда приходилось пахать или съездить за мукой в колхоз, но молоко у нее пропало вовсе, и она стала угрюмой и непонятливой. Вася ее сам поил, сам задавал корм и чистил, но корова не отзывалась на его заботу, ей было все равно, что делают с ней. Среди дня корову выпускали в поле, чтоб она походила на воле и чтоб ей стало лучше. Но корова ходила мало; она подолгу стояла на месте, затем шла немного и опять останавливалась, забывая ходить. Однажды она вышла на линию и тихо пошла по шпалам, тогда отец Васи увидел ее, окоротил и свел на сторону. А раньше корова была робкая, чуткая и никогда сама не выходила на линию. Вася поэтому стал бояться, что корову может убить поездом или она сама помрет, и, сидя в школе, он все думал о ней, а из школы бежал домой бегом.

И один раз, когда были самые короткие дни и уже смеркалось, Вася, возвращаясь из школы, увидел, что против их дома стоит товарный поезд. Встревоженный, он сразу побежал к паровозу.

Знакомый машинист, которому Вася помогал недавно вести состав, и отец

Васи вытаскивали из-под тендера убитую корову. Вася сел на землю и замер от горя первой близкой смерти.

Я ведь ей минут десять свистки давал, говорил машинист отцу Васи. Она глухая у тебя или дурная, что ль? Весь состав пришлось сажать на экстренное торможение, и то не успел.

Она не глухая, она шалая, сказал отец. Задремала, наверно, на путях.

Нет, она бежала от паровоза, но тихо и в сторону не сообразила свернуть, ответил машинист. Я думал, она сообразит.

Вместе с помощником и кочегаром, вчетвером, они выволокли изуродованное туловище коровы из-под тендера и свалили всю говядину наружу, в сухую канаву около пути.

Она ничего, свежая, сказал машинист. Себе засолишь мясо или продашь?

Продать придется, решил отец. На другую корову надо деньги собирать, без коровы трудно.

Без нее тебе нельзя, согласился машинист. Собирай деньги и покупай, я тебе тоже немного деньжонок подброшу. Много у меня нет, а чуть-чуть найдется. Я скоро премию получу.

Это за что ж ты мне денег дашь? удивился отец Васи. Я тебе не родня, никто...

Да я и сам управлюсь: профсоюз, касса, служба, сам знаешь оттуда, отсюда...

Ну, а я добавлю, настаивал машинист. Твой сын мне помогал, а я вам помогу.

Вон он сидит. Здравствуй! улыбнулся механик.

Здравствуй, ответил ему Вася.

Я еще никого в жизни не давил, говорил машинист, один раз собаку... Мне самому тяжело на сердце будет, если вам ничем за корову не отплачу.

А за что ты премию получишь? спросил Вася. Ты едешь плохо.

Теперь немного лучше стал, засмеялся машинист. Научился!

Поставили другую посуду для песка? спросил Вася.

Поставили: маленькую песочницу на большую сменили! ответил машинист.

Насилу догадались, сердито сказал Вася.

Здесь пришел главный кондуктор и дал машинисту бумагу, которую он написал, о причине остановки поезда на перегоне.

На другой день отец продал в сельский районный кооператив всю тушу коровы; приехала чужая подвода и забрала ее. Вася и отец поехали вместе с этой подводой. Отец хотел получить деньги за мясо, а Вася думал купить себе в магазине книг для чтения. Они заночевали в районе и провели там еще полдня, делая покупки, а после обеда пошли ко двору.

Идти им надо было через тот колхоз, где была семилетка, в которой учился Вася. Уже стемнело вовсе, когда отец и сын добрались до колхоза, поэтому Вася не пошел домой, а остался ночевать у школьного сторожа, чтобы не идти завтра спозаранку обратно и не мориться зря. Домой ушел один отец.

В школе с утра начались проверочные испытания за первую четверть.

Ученикам задали написать сочинение из своей жизни.

Вася написал в тетради: У нас была корова. Когда она жила, из нее ели молоко мать, отец и я. Потом она родила себе сына теленка, и он тоже ел из нее молоко, мы трое и он четвертый, а всем хватало. Корова еще пахала и возила кладь. Потом ее сына продали на мясо. Корова стала мучиться, но скоро умерла от поезда. И ее тоже съели, потому что она говядина. Корова отдала нам все, то есть молоко, сына, мясо, кожу, внутренности и кости, она была доброй. Я помню нашу корову и не забуду.

Ко двору Вася вернулся в сумерки. Отец был уже дома, он только что пришел с линии; он показывал матери сто рублей, две бумажки, которые ему бросил с паровоза машинист в табачном кисете.